

ISSN 1563-0223
Индекс 75878; 25878

ӘЛ-ФАРАБИ атындағы ҚАЗАҚ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

ХАБАРШЫ

Филология сериясы

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени АЛЪ-ФАРАБИ

ВЕСТНИК

Серия филологическая

AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY

EURASIAN JOURNAL

of Philology: Science and Education

№2 (арнайы шығарылым)

Алматы
«Қазақ университеті»
2018

Жаксылыков А.Ж.¹, Алпысбаева Т.²,

¹д. ф. н. профессор, ²магистрант 2 курса
Казахского национального университета им. аль-Фараби,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: aslanj54@mail.ru; tansulua7@gmail.com

СИМВОЛИКА ЧИСЛА 9 В КАЗАХСКОЙ АРХАИЧЕСКОЙ МЕТА-КУЛЬТУРЕ

Данная статья посвящена некоторым аспектам традиционной мета-культуры казахов, в частности символике чисел, особенно числа 9, которое выполняет важную структурную и знаково-семантическую роль в обрядовой, культовой жизни этноса, отражая архаические космогонические и сакральные понятия, забытую древнетюркскую астрологию. Символика числа 9 имеет как экзотерические, так и эзотерические аспекты, это обстоятельство выясняется при антропологическом исследовании фольклора казахов, особенно философии и поэтики волшебных сказок.

Ключевые слова: символика, фрактал, магия, атрибут, ипостась, алгоритм, нумерология.

Zhaksylykov A.Zh., Alpysbaeva T.,

¹DSc, Professor, ²master's student
of Kazakh National University Al-Farabi, Kazakhstan, Almaty,
e-mail: aslanj54@mail.ru; tansulua7@gmail.com

Symbols of the number 9 in the Kazakh archaic meta-culture

This article is devoted to some aspects of the traditional meta-culture of Kazakhs, in particular the symbolism of numbers, especially number 9, which plays an important structural and semantic role in the ritual, cultic life of the ethnos, reflecting archaic cosmogonic and sacral concepts, forgotten ancient Turkic astrology. The symbolism of number 9 has both exoteric and esoteric aspects, this circumstance is revealed when anthropological research of folklore of Kazakhs, especially philosophy and poetics of fairy tales.

Key words: symbolism, fractal, magic, attribute, hypostasis, algorithm, numerology.

Жаксылықов А.Ж., Алпысбаева Т.,

әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
¹профессоры, ф. ф. д., ²курс магистранты,
Қазақстан, Алматы, e-mail: aslanj54@mail.ru; tansulua7@gmail.com

Қазақтың архаикалық мета-мәдениетіндегі №9 рәміздері

Бұл мақала қазақ халқының дәстүрлі мета-мәдениетінің кейбір аспектілеріне арналған, атап айтқанда, ескі көне түркі астрологиясын ұмытқан архаикалық космогон және сакралдық түсініктерді бейнелейтін этносдың салт-дәстүрлік, мәдени өміріндегі маңызды құрылымдық және семантикалық рөлді орындайтын сандардың символикасы. 9 санының символикасы экзотериялық және эзотерикалық аспектілерге ие, бұл жағдай қазақ халқының фольклорын, әсіресе философия мен ертегілер поэтикасын антропологиялық зерттеу кезінде анықталады.

Түйін сөздер: символизм, фрактал, сиқыр, атрибут, гипостаз, алгоритм, нумерология

Введение

В космосе казахских сказок магия чисел и символика сновидения тесно связаны. На серьезность отношения людей архаического общества к сновидениям указывает тот факт, что существовали своеобразные специалисты по правильному прочтению снов, к ним относились так же, как к шаманам, магам, прорицателям. От правильного прочтения сна могла зависеть вся дальнейшая судьба, из этого психологического фактора и вытекало уважительное отношение к профессионалам, владеющим секретами и ключами к отгадыванию снов. Притча о сновидении Иосифа Прекрасного, как известно, отражена и в Библии и в Коране. В казахской этнокультуре традиция прочтения снов называлась “*түс жору*”. В целом ряде казахских волшебных сказок отрицательный персонаж (демон, великан, колдун) узнает по вещему сну о появлении героя, несущего возмездие. Однажды увиденный сон великан (*диу*) помнит всю жизнь и твердо знает об исполнении видения. Исполнение видения в качестве предзнаменования предваряется троекратными символическими повторами. Таким образом, сновидение – это как бы присутствие высшего метафизического элемента в сюжете сказки, через дар сновидения высшие силы как бы дают знать о своем существовании и судьбоносной воле. В рамках ментальных алгоритмов фольклора число 3 мы воспринимаем как фрактал более знаковых чисел 9 и 6 (9 – это трижды три, 6 – это дважды три).

Универсальное значение чисел в Священных писаниях показано исследователями нумерологии. (Stuart, :1) Числа 3 и 9 наиболее знаково-символические в тенгрианской космогонии. Об этом пишет А. Никонов в своей книге «Тенгрианство. У истоков духовности человечества»: «Тенгрианство утвердило трехуровневую структуру мира – верхний (небо), средний мир (земля), нижний (преисподняя). В свою очередь, небеса, например, тоже делились на 9 уровней. Человек (кроме общеизвестного деления на тело и душу) имел 7 тел, от внешнего физического (тулга), до высшего духовного (санам)». (Nikonov, 2014: 2.12)

Символику чисел в этнокультуре казахов анализирует Ж.К. Каракозова, выделяя алгоритм 3 как главный, структурообразующий. (Karakozova, 1997: 3.19-21)

Эксперимент и анализ

В наиболее известной казахской волшебной сказке “Ер-Тостік” движение героя по вертика-

ли в нижние миры, встречи с нечеловеческими существами представляют основную сюжетную доминанту. Герой оказывается в нижнем мире, провалившись в дыру. До этого состоялась встреча с *жалмауыз-кемпір* у колодца (колодец, дыра, пещера, яма, могила, трещина в системе знаков сказки – это врата в подземный мир). Встреча с демоницей – это, видимо, редуцированная инициация, она предваряется обменом формулировками. Бегство от демоницы, проваливание в дыру, долгое падение напоминают известные шаманские инициации мнимой смерти. Нижний мир воспринимается таким же реальным, как и обычный. В Бапу-хане, правителе змей, узнается один из повелителей нижнего мира. Бапу-хан принимает Ер-Тостика, когда тот демонстрирует бесстрашие и миролюбие, тем не менее, дает поручение и отправляет к Темир-хану, видимо, божеству еще более нижнего мира. По пути к Ер-Тостіку присоединяются различные богатыри, слухач, бегун, проглотило-озеро, подними-гора и др., которых можно воспринимать в контексте сказочного мира как персонифицированных стихийных сил. Темир-хан в свою очередь испытывает Ер-Тостика и его друзей и дает ему поручение достать казан родителей со дна озера, что на символическом языке, видимо, означает путь в еще более глубокие миры к их повелителям (казан здесь – символ самого что ни есть дна миров). Не забудем и о том, что на языке алгоритмов сновидений океан, море, озеро символизируют нижние планы бытия. Дна мира достигает благородный конь Шалкуйрык, зооморфный дух, покровитель лошадей Камбар-ата. Мотив ныряния в изначальные воды и доставания либо глины, либо чудесного предмета – постоянный элемент космогонического мифа. В нивхских мифах в воды ныряет серая утка, в индусских мифах – рыба, в которой нетрудно узнать самого Вишну, ибо рыба, змей – это его священные атрибуты, соответственно мифологические ипостаси. В казахской сказке изображается следующее, – когда конь ныряет в озеро, показываются три пенных круга, знаки преодоления еще более нижерасположенных границ. Тем самым восстанавливается семислойная композиция трансфизических миров: яма, мир Бапу-хана, мир Темир-хана, озеро, и три круга ниже озера. Мистерия мнимой смерти и странствия души в подземных мирах также часто встречается в мировых космогонических мифах. Вспомним странствия Одиссея, Орфея, мистирию Иисуса, Дионисия, Осириса, Гильгамеша, Кришны, Арджуны и др. Следовательно,

сюжет о проваливании в нижние миры и странствий там является одним из основных лейтмотивов среди мировых архетипических сюжетов. В этой мистории мнимой смерти и последующем воскресении угадываются значимые парадигмы солнечной и лунной религий, древнейших на земле, поочередно сменявших друг друга. Проблема корреляции и символическо-семантической взаимосвязи лунной и солнечной религий подробно проанализирована в монографии Эриха Церена. (Tseren, 1976: 4.256) Ер-Тостик по рождению – сын солнца (грудинка была напитана солнцем) и земной женщины. Миф допускает подобное, многие герои различных эпосов и мифов выступают сыновьями богов, сыном бога считался древними греками Александр Македонский.

Ер-Тостик поднимается на поверхность земли с помощью исполинской птицы Самрук. Птица Симург, Самрук, Семаргль, Гаруда в системе древних языческих пантеонов евразийских, индусского, персидского народов – это чаще всего божественный посредник между мирами, бог-посланник. В мифах народов Индии Кришна, он же Вишну, изображается на спине огромного орла. Однако в фольклоре функции исполинской птицы глубже и архаически таинственней, нежели только посредничество. Например, она может проглотить человека и выплюнуть его обновленным или приживить кусок вырванного из тела мяса. Значит, птица наделена и творящими, а также инициационными функциями. Ер-Тостик у подножья гигантского дерева убивает дракона-айдахара, намеревавшегося проглотить птенцов Самрук, только после этого он подвергается проглатыванию и выплевыванию, то есть приобретает новое тело. Все эти действия напоминают синкретический архаический ритуал с религиозной символикой смерти и воскресения с сакральными кодовыми знаками и намеками. Также угадываются образы мирового древа, дракона-луны, трех птенцов – сакральных дней Олиары, когда луны нет, они вписаны в контекст архаической лунной мистории. У тюркоязычных народов, принявших ислам, лунный календарь действовал до последних двух веков, следовательно, лунная астрология, лунарные мифы, числовая символика, календарные праздники, исчисляемые по ночному светилу, соответственно различные культы и табу, посвященные луне, должны были достаточно хорошо сохраниться в фольклоре, обычаях и суевериях наших народов.

Один из подвигов Ер-Тостика – уничтожение великана Шойың-құлақа. Причем девять

душ великана (анимистический принцип духовного полиморфизма) были спрятаны в теле черной козы, которая паслась в стае из сорока коз на берегу реки. Победив Шойың-құлақа, Ер-Тостик проявил не только хитрость и смелость, но и определенное искусство, знание. Принцип духовного полиморфизма – это один из основных принципов первобытной культуры, шаманской метафизики. Представление о том, что у человека, как и у нечеловеческих персонажей, душа не одна, что их несколько, до девяти, что они могут храниться где-то за пределами тела, очень часто встречается как в сказках, так и в шаманских текстах. Кроме того, число 9, видимо, является сохранившимся маркером реликтовой астрологии, где в неделе было 9 дней, в году 40 таких недель, следовательно, 360 дней в году, а 5 или шесть дней выделялись как сакральные (олиара – А.Ж.).

Результаты и обсуждение

На это обстоятельство указывает С. Кондыбай. «Бір жағынан, бұл сан – 9 күндік 40 аптадан тұратын бір жылдық күнтізбелік айналымды көрестеді. «41-інші» үй – Үш Қияның өзіне келуі де кездейсоқтық емес. 40 үй-аптаға бір жылдық циклдің табиғат, ауа-райы өзгерістерінің 40 амалы да сәйкес келеді». (Kondybay, 2004: 5.10)

Анализируя образ мирового дерева в фольклоре народов древней Месопотамии, Эрих Церен предложил следующую интерпретацию: птица, сидящая в гнезде на ветке дерева, проглатываемая змеем, затем воскресающая через три дня, это ни что иное, как метафорически представленная луна. (Tseren, 1976: 4.256)

Как известно, лунный календарь наиболее долго сохранялся кочевыми народами. Три дня полного исчезновения луны для кочевников были сакральными днями Олиары, когда соблюдались запреты на охоту, странствия, сближения мужчины и женщины. По реконструкции мифологической матрицы великан Шойың-құлақ погибает от рук Ер-Тостика именно в день Олиары, в этот день он отправился на охоту, то есть нарушил табу. Существует и отдельная сказка «Шойың-құлақ», где повторяются действия, описанные в финале сказки «Ер-Тостик», только на этот раз героем выступает Мерген. Действие принципа полиморфизма можно усмотреть в сказках «Аламан и Жоламан», «Три сына бедняка» и в целом ряде других повествований – души персонажей также находятся вне тела и бывают помещены то в предмет (кинжал), то в животное.

Анимизм – основное поле духовных смыслов и первичных понятий, которое допускает представление о полиморфизме внутреннего космоса человека, чрезвычайно распространенное в мифологической культуре реликтовых народов разных континентов. Универсальную модель многослойной архитектоники мира в шаманизме можно соотнести с полиморфизмом представлений о внутреннем мире человека, нетрудно заметить, что эти две модели находятся в отношениях макрокосма и микрокосма. Общая картина мифологической, метафорической картины космоса, в структуру которой вписан микрокосм человека, выглядит достаточно сложной многослойной моделью, к тому же динамической и алгоритмизированной в основных знаково-символических проявлениях и образных манифестациях. Эта модель мира с иерархически взаимосоотнесенными планами бытия по принципу Верх–Низ, Внешнее–Внутреннее, пронизанными принципом духовного единства, семантически обуславливает трансперсональные коммуникации души человека по уровням метафизической реальности. Данная универсальная модель космоса, изоморфная принципу полиморфизма, типологически присущая шаманизму разных народов и племен, реконструируемая по фольклору, отличается от аналогичной метафизической модели монотеистических религий (христианства, ислама, иудаизма) одним важным обстоятельством – в монотеистических религиях стабилизировано представление о душе человека как о недифференцированной духовной единице. Сравните, в буддизме категория души отрицается, «я» человека воспринимается как умозрительная иллюзия, временная комбинация мотивов и идей – *санскара*. В сказке «Шойын–құлақ» Мергену удастся победить великана, последовательно, одного за другим убив восемь птенцов, душ врага. Однако в критический момент, когда он помедлил, девятый птенец вновь умножился до восьми. Уничтожив и этого птенца, Мерген окончательно одолевает врага. Вспомним Кошца Бессмертного в русском фольклоре с его многими вложенными друг в друга душами. Таким образом, в анимистическом воззрении Все состоит из всего, следовательно, во всеобщих отношениях Все взаимодействует со всем. Этот вывод подтверждается не только принципом полиморфизма и духовных коммуникаций героя по планам бытия, но и принципом партеногенезиса (*зачатия от объектов природы* – А.Ж.). В сказках можно найти разные варианты партеногенезиса: за-

чатие от овечьей грудинки, от солнечного луча, от других предметов. Брак возможен с широким рядом зооморфных существ, в этом проявляется духовное братство и родство всех предметов и существ анимистического космоса.

В сказках «Три сестры», «Аламан и Жоламан», «Кайым–батыр» и др. увечье герою наносится через умыкание души, спрятанной либо в кинжале, либо в цветных шнурках. (Fairy tales, 1989: 6.259-263) В целом ряде других сказок говорится о том, что душа героя заключена в особом локоне или пряди волос, этот фактор затем выступает мотивообразующим принципом сюжета и целостно влияет на развитие действия. Если вспомнить, что этиологию психических заболеваний шаманы чаще всего объясняли потерей субъектом души или одной из душ, что их действия по излечению заключались в мистериальном странствии в ином мире с целью найти потерянное и вернуть его на место, то нетрудно прийти к логическому выводу о причине распространенности подобных сюжетов в сказках, соответственно – о глубоком влиянии шаманских практик на формирование фольклора. В случаях тяжелых психических расстройств шаманы нередко говорили, что душу больного человека умыкнул злой дух (*чулмус, жын–шайтан, албасты*), и их дальнейшие мистериальные действия представляли инсценировку свирепой борьбы с демоном, похитителем души. В зависимости от своего статуса белого или черного шамана баксы апеллировал за помощью либо к *періште* и *аруахам* (духам добра), либо к джиннам и шайтанам. В сказках нередко душа человека выглядит как предмет, в который она помещена (точилка Ер–Тостика). Не этим ли глубоко архетипическим мотивом объясняется сюжетная парадигматика – поиск героем чудесного предмета, столь распространенная в сказках народов мира. В любом случае сюжетное влияние этого этиологического мотива на структуру сказки несомненно. Все это, в конечном счете, свидетельствует о плодотворности концепции преимущественных перемещений героя сказки по вертикали многослойных мета–и–трансфизических миров. Поиски невесты, странствия с этой целью в пределы далеких стран, также постоянная тема сказок, видимо, обусловленная принципом экзогамии. С этим мотивом связаны ситуации добрачных испытаний жениха, единоборство с противником, вопросы и загадки и т.д. Однако в волшебных сказках герой нередко женится на *пери*, то есть на нечеловеческом существе, следовательно, и в системе сюжетов, обусловленных экзогамным

фактором, когда движения осуществляется по горизонтали обычного мира, может быть представлен тип движения по метафизической оси.

С достаточной долей условности можно принять и следующее прочтение, что в образной системе сказок пещера, яма, могила, колодец, трещина в земле, озеро, болото, море, океан – символы преддверия в нижние миры. Напротив, великанское дерево, гора, высокое место, город на облаках, город на холме – это врата в более высокий мир. Промежуточными обрядовыми формами в трансмиграциях героя являются инициация, мистерии смерти и воскресения, поиска утерянной души, поиска нечеловеческого союзника, сверхчеловеческой идеальной жены и др. На наш взгляд, трансмиграции героя по метафизической оси миров отчетливо проявлены в сюжетах следующих сказок: «Ер-Тостик», «Каратай», «Иди туда – принеси сюда», «Кебис, волшебное кольцо и веточки», «Красавица Миржан и владыка подводного царства», «Кара-Мерген», «Великан Алпамыс», «О женском ханстве», «Жена-удав», «Три сына бедняка», «Джигит и волчица», «Кендыбай на коне Кергуле», «Царь и беркут», «Каим-батыр» и др. Безусловно, среди этих сказок есть и заимствованные. Однако это только географически расширяет базу универсальных общечеловеческих принципов архаического и архетипического эстетического мышления в эпоху формирования мирового фольклора.

В более высокие миры герой сказки обычно переносится либо во сне, либо на спине большой птицы, либо с помощью чудесного коня, волшебного кольца, пера птицы Самрук, по содействию жены – пери, чудесного старца и т.д. Предпосылкой трансмиграции героя вверх в

чудесные миры является необычное рождение субъекта приключений (*он сам оттуда, сверху* – А.Ж.). Духовная миграция также обуславливается чистотой героя («никогда не лги» – наставляет Тазшу старец), соблюдением положенных запретов, брачным союзом с сверхчеловеческой женщиной-пери, обладанием героем особого магического предмета или особой отметины на теле, также совершением выдающегося подвига – уничтожения, например, дракона.

В некоторых сказках обозначены мотивы относительности времени в условиях трансмиграции между мирами. Так Мерген, очутившийся во сне в стране *пери*, женится там, проживает много лет и когда по возвращении оказывается в своем городе, обнаруживает, что не прошло и часа с момента его чудесного отбытия. Бывает и наоборот: за время путешествия героя (Ер-Тостика) в его стране проходит много лет, так что старятся его родители, жена, и ему приходится предпринять магические действия, чтобы омолодить их.

Заключение

Безусловно, мы не можем динамику всего многообразия сказочных действий свести к мета- и трансфизическим миграциям героя, например, в большом количестве сказок о животных, социально-бытовых сказок имеют место локальные, одноэпизодные сюжеты, тяготеющие к занимательности и притчевости. Однако по отношению к сюжетам волшебных сказок вывод об универсально-типологическом значении сюжета с парадигматикой духовных перемещений и символикой таких знаковых чисел, как 9, вполне правомерен.

Литература

- 1 http://hristadelfiane.org/books/Secret_NN/Secret_NN.pdf
- 2 Никонов А.Ю. Тенгрианство. У истоков духовности человечества. – Алматы: Ценные бумаги, 2014. – 88 с.
- 3 Каракозова Ж.К. Казахская культура и символ. – Алматы: ТОО «Эверо», 1997. – 69 с.
- 4 Церен Э. Лунный бог. – М.: Наука, 1976. – 256 с.
- 5 Кондыбай С. Тоғыз ту қазақ ордасының метатарихына кіріспе. – Мух-Мирас, №3 (3), 2004. – С. 7-17.
- 6 Ертегілер. – 4 том. – Алматы: Жазушы, 1989. – 304 б.

References

- 1 http://hristadelfiane.org/books/Secret_NN/Secret_NN.pdf
- 2 Nikonov A. Yu. Tengrianism. At the origins of the spirituality of mankind. [Tengrianism. At the roots of the spirituality of mankind.] Almaty: Securities, 2014. 88 p.
- 3 Karakozova Zh. K. Kazakh culture and symbol. [Kazakh culture and symbol.] Almaty: “Evero” LLP, 1997. 69 s.
- 4 Tseren E. The Lunar God. [The moon god.] Moscow: Nauka, 1976. 256 p.
- 5 Kondybay S. Togyz, the Kazakh “Ordasynyn” metatarikhyna kirispe. [Introduction to the Kazakh horde of nine hills.] Kukh-Miras, No. 3 (3), 2004. P. 7-17.
- 6 Ertegiler. [Fairy Tales.] 4 tom, Almaty: Zhazushy, 1989. 304 p.

<i>Jabarkhil Khoshalkhan</i> Culture and literature of Afghanistan.....	
<i>Абдулина А.Б.</i> Методологические принципы изучения народных традиций фольклористической школой профессора М.М. Багизбаевой	
<i>Абишева У.К.</i> Поэтика повестей С. Сергеева–Ценского	
<i>Айнабекова Г.Б.</i> Мотив и формы его трансформации в казахстанской русской прозе (на материале книги Н.Черновой «Степной Вавилон»)	
<i>Джаламова Ж.Б.</i> Авторское повествование в ранних произведениях М.М. Пришвина	
<i>Dzholdasbekova B.U., Abilda E.M.</i> Genre diversity in the work of Dmitry Snegin.....	
<i>Жаксылыков А.Ж., Алпысбаева Т.</i> Символика числа 9 в казахской архаической мета-культуре	
<i>Жаппаркулова К.Н.</i> К истории русско-казахских культурных и литературных связей: А. С. Пушкин и Махамбет.....	
<i>Ибраева Д.С.</i> Жанр автобиографии: понятие и особенности.....	
<i>Iskakova A.T.</i> Poetics of the tragic and terrible in the novels of N.V. Gogol	
<i>Какишева Н.Т.</i> Жанровая природа поэмы «Кактус» Олжаса Сулейменова	
<i>Какишева Н.Т.</i> Пушкинская тема в творчестве писателей Казахстана.....	
<i>Мейрамғалиева Р.М.</i> Признание-исповедь в произведениях Н.А. Некрасова	
<i>Муминов С.О.</i> Художественное своеобразие повести Платонова «Котлован»	
<i>Нурмолдаев Д.М.</i> Понимание литературы постмодерна в свете гармоничной межкультурной коммуникации.....	
<i>Pak L.V.</i> Features of the representation of female subjectivity in feminist literary criticism	
<i>Sarsekeeva N.K.</i> The study of the text in the light of discourse theory	
<i>Tattimbetova Ж.О.</i> Проблема характера в творчестве А.И. Солженицына в освещении русской и восточной философской мысли.....	
<i>Tattimbetova K.O.</i> Novel genre in the Russian literature of Kazakhstan of the end of the XX beginning of the XXI centuries	
<i>Tleubay G.K.</i> Philosophical and moral concepts in the artistic discourse of Chingiz Aitmatov.....	
<i>Шанаев Р.У.</i> Мифологема «город» в романе Н. Веревокина «Зуб мамонта».....	
<i>Zhusanbayeva A.T.</i> History of translations of R. Burns's lyrics into Russian.....	
<i>Лю Инь, Михайлова М.В.</i> Стилизация и травестирование мифа о Золушке (рассказ «Сандрильона» Е.А. Нагродской).....	